

Дунай (8)

А во стольнѣм было городи во Киеви
А у ласкова князя да у Владимира
Уже было пированьице, почесьѣн пир,
А про многих кнезей, про многих бояров,
А про тех руських сильних про богатырей,
А про тех же полениць да приудалых-е,
А про тех про купьцей, людей торговых-е.
Ише пир-от идѣт — нонь пир навесели,
Ише день-от идѣт — день ко вечору,
Красно солнышко катицьсе ко западу,
А ко западу катицьсе — ко закату.
Ише все на пиру нонь напиваюцса,
Ише все на чесном нонь наедалисе,
Ише все на пиру да пьяны-весѣлы.
Ише все на чесном нонь приросхвастались:
Ише сильней-от хвастат своей силою,
А богатой-от хвастат золотой казной,
Ише средней-от хвастат широким двором,
А наезницѣк хвастаѣт добрым конѣм,
А ведь глупой-от хвастаѣт молодой жоной,
Неразумной-от хвастаѣт родной сѣстрой,
Уж как умной-разумной — старой матушкой
(«У ей — що было, не было — нонь всё прошло!»).
А Владимир-князь по грынюш[к]и погуливат,
Он сапог о сапог сам поколачиват,
Сереберьчатыма скобками набрякиват,
Он и белыма руками прирозмахиват,
Он злаченыма перснями принашшалкиват,
Ише сам из рецей он выговарыват:
«А уж вы ой еси, князя, мои бояра,
Уж вы руськия сильния богатыри,
Уж как все поленици приудалыя,
Ише те же купьци, люди торговыя!
У нас все нонь во городи поженѣны,
А красны девушки взамуж все повыданы —

Я один ле нонь, молодець, холост хожу,
Я холост-де хожу, да нежонат живу.
Вы не знаете ле где-ка мне обручници,
А обруцьници вы мне-ка — красной девици:
А котора бы девица красотой красна,
Красотой бы красна и ростом висока,
Да лицё-то у ей — да как и белой снег,
У ей ягодици — как будьто алой цвет,
Очи ясны у ей — как у ясна сокола,
Брови черны у ей — как у черна соболя,
А ресници-ти у ей — как два чистых бобра,
А походочка у ей была — павиная,
А тиха-смирна рець бы — лебединая?..»
Тут и большой-от кроицьсе за средьнёго,
А тут средней бороницьсе за меньшого;
А от меньшого, сидят, — долго ответу нет.
И-за того где стола было окольного
Выставал тут удалой доброй молодець,
А по имени Добрынюша сын Микитич млад.
Он поближе ко Владимиру подвигаицьсе,
Он пониже Владимиру поклоняицьсэ:
«Уж ты батюшко Владимир, князь стольне-киевский!
Ты уволь-ко, Владимир, мне слово сказать —
Не уволь миня за слово скоро казнить,
Ты скоро где сказнить, скоре повесити,
Не сылать меня в сылоцьки во дальния,
Не садить во глубоки темны подгрёбы!»
Да говорит тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка сын Микитиць млад!
Говори-тко-се, Добрынюшка, що те хоцицьсе, —
А не будёшь у мя за слово ты скоро сказнён,
А скоро ты сказнён, скоре повешон же,
Не сошлю я тя в сылоцьки во дальния,
Не посажу во глубоки в тёмны подгрёбы!»
Да говорил тут Добрынюш[к]а таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
У тя есь где двенаццэт темных подгрёбов;
У тя есь там сидит-де путерёмщицёк,
А по имени Дунаюшко сын Ивановиць.

Он ведь много бывал нонь во других землях,
Он много служил, Дунай, другим кнезьям
А кнезьям где служил, всё кнезевицам,
Королям он служил и королевичам.
Он не знает ле где тебе обручницы,
А обручницы не знает ле — красной девицы:
А котора бы девица красотой красна,
Красотой бы красна и ростом высока,
А лицё-то у ей — да ровно белой снег,
У ей ягодьници — как будто алой цвет,
Очи ясны у ей — как у ясна сокола,
Брови черны у ей — как у черна соболя,
А ресницы у ей — как два чистых бобра,
А походочка у ей была — павиная,
А тиха-смирна бы рець — лебединая?..»
А Владимиру тут реки прилюбилисе —
А да закричал он своим да громким голосом:
«Уж вы ой еси, слуги мои верные!
Да вы берите-тко ключи да всё железные,
Отмыкайте-тко подите глубоки темны подгрёбы,
А берите Дунаюшка за белы руки,
А ведите вы Дуная на поцесьён пир!»
А на то ёго слуги не ослушались;
Они брали ключи да всё железные,
Отмыкали бежали глубоки темны погрёбы,
Они брали Дунаюшка за белы руки,
А вели они Дуная на поцесьён пир.
Проходя идёт Дунай на красно крыльцо,
Проходя идёт Дунай в нову горницу.
Он и двери отпирал с крюков на пятау.
Он и крест-от кладёт по-писаному,
Он поклон-от ведёт по-учоному;
Он кланялся на все чотыре стороны:
Во-первы-ти, он — князю-ту Владимиру,
Во-вторы-ти, он кланялся крестовому —
А крестовому он братёлку названому,
Он ведь молоду Добрыни сыну Микитичу,
Во-третьи-ти, он кланялся всё старому,
Во четво[ё]ртой раз кланялся весёлым гостям.

Говорыл тут Владимир-князь таково слово:

«Уж вы ой еси, слуги мои верныя!

Вы налейте-тко цяру зелена вина,

А не малу, не велику — в полтара ведра,

А подайте-тко Дунаю сыну Ивановичу!»

А на то ёго слуги не ослушались,

Наливали ету чарочку зелена вина,

А подавали Дунаю сыну Ивановичу.

Принимал Дунай цяру единой рукой,

Выпивал эту цяру к одному духу.

Говорил тут Владимир-князь таково слово:

«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Ивановичь!

Уж ты много бывал нонь во других землях,

Уж ты много служил нонь другим кнезьям,

Ты кнезям где служил и всё кнежевичам,

Королям ты служил и королевичам.

Ты не знаёшь ле где-ка мне обручници,

Ты обручници не знашь ле — красной девици:

А котора девица бы красотой красна,

Красотой бы красна и ростом висока,

А лицо-то у ей — аки белой снег,

У ей ягодьници — как будто алой цвет,

Очи ясны у ей — как у ясна сокола,

Брови черны у ей — как у черна соболя,

А ресници у ей — как два чистых бобра,

А походоцька у ей была — павинная,

А тиха-смирна бы речь — лебединая?..»

Говорит тут Дунаюшко таково слово:

«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевский!

Я сидел во тюрме у тя двенаццэт лет:

Уж я где не бывал, да нонь всё забыл!»

Наливал Владимир чарочку зелена вина,

Он не малу, не велику — в полтара ведра —

А да подавал он Дунаю сыну Ивановичу.

Принимал Дунай чару единой рукой,

Выпивал ету чарочку к одному духу.

Говорил тут Владимир-князь таково слово:

«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Иванович!

А не знаёшь ле ты где-ка мне обручници?»

Говорил тут Дунаюшко таково слово:
«А во том где-ка в Цярьсве в Ляховиньском где,
А во том же во городе-то Ляхове
У того у короля у ляховинского
У ёго ноньче было нонь две дочери:
Уж как первая доць была Настáсея,
Уж как вторая доць была Опраксея.
Ишше та Настасея-королевисьня,
Ишше та где, Владимир-князь — не тибе чота,
Не тибе чота, Владимир-князь — не тибе ровня,
Не тибе ровня, Владимир-князь — не тибе жона:
Ише та — полениця преудалая.
А ведь вторая дочь была Опраксея,
Ише та Опраксея-королевисьня,
Ише та где, Владимир, — и тибе чота,
А тибе чота, Владимир-князь, та тибе ровня,
А тибе ровня, Владимир-князь, пусть тибе жона:
А красотой она красна и ростом висока,
А лицо-то у ей — будьто-аки белой снег,
У ей ягодьници — как будьто алой цвет,
Очи ясны у ей — как у ясна сокола,
Брови черны у ей — как у черна соболя,
А ресници у ей — как два чистых бобра,
А походочка у ей была — павиная,
А тиха-смирна речь — да лебединая».
А Владимиру тут речи прилюбилисе,
По ретивому сердцу роскатилисе:
«А дак ты ой еси, Дунаюшко сын Иванович!
Ты бери-тко у меня силу-рать великую,
Колько надобно, беры ты золотой казны —
Поежжай только в Чарьсьво в Ляховиньскоё
А за той Опраксеей-королевисьней.
А добром как король даст — дак ты добром бери,
А добром не даёт — бери силою!»
А говорил тут Дунаюшко таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевьский!
Мне не нать твоя сила-рать великая,
А не надо твоя и золота казна —
Уж ты дай мне брателка крестового,

Дай крестового мне брателка названого,
Дай мне молода Добрыню сына Микитича:
А поедём мы с им в Цярьсьво в Ляховиньскоё
А за той мы Опраксеей-королевисьней!
Нам добром король даст — дак мы добром возьмём,
А добром нам не даст — мы возьмём силою!»
А тут стали молоцци где снарежатисе,
А поскоре того удалы стали сподоблятисе:
Надевали на сибя они платьё цветноё,
Одевали они сбрую всю боґатырьскую,
Выводили они ноньче добрых коней,
А седлали-уздали они добрых коней.
А сажались молоцьци тут на добрых коней
А поехали они в Цярьсьво в Ляховиньскоё.
Тут не видели поезки боґатырьское,
Только видели: в чистом поле дым столбом валит.
Не путём они ехали, не дорогою —
Они ехали дорожечкой прямоежжою.
Они приехали в Цярьсво в Ляховиньскоё.
Они заехали в город не воротами —
Они скакали через стены городовое,
Церез те они башни наугольние.
Они приехали к королю тут к широку двору —
А скакали молоцьци тут со добрых коней.
Они оставили коней не привязаных,
Не привязаных оставили, не приказаных.
А пошел тут Дунаюшко на красно крыльцо,
А пошел он, Добрыни наговарывал;
«Уж ты ой еси, Добрынюшка сын Микитич млад!
Ишше що мне в короля в грыдьни не понравицэ —
Закрыцю я своим да громким голосом,
Уж я стукну двереми в ободьверины —
Ты поди ты тогда по городу по Ляхову,
Поди бей ты тотар да всех до едного:
Не оставь ты на улици не курици,
Не единого тотарина для семени!»
А ушел тут Дунаюшко на красно крыльцо,
Проходя идёт Дунаюшко в светлу грыню,
Становилса он на место на гостинноё.

Выходил тут король ведь ляховиньские:
«Уж ты здрастуй, Дунаюшко сын Иванович!»
Говорыл тут Дунай таково слово:
«Уж ты здрастуй, король ляховиньские!»
Говорил тут король таково слово:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Иванович!
Уж ты жить ле пришол але служить ко мне?
У миня тибе работа не цяжолая:
А играть-де тибе нонь в звоньчаты гусли —
Утешать Опраксею-королевисьню».
Говорыл тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты ой еси, король ляховиньские!
Я не жить-де пришол и не служить тебе;
Я пришол-де, король, к тибе посватацьсе
Я на той Опраксеи-королевисьни
Я за нашего князя за Владимира».
А король-от скричел, аки зверь зревел:
«Не отдам я за плута, за мошенника!
Не отдам я за вора, за розбойника,
Я за вашего князя за Владимира!»
Говорил ёму Дунаюшко во вто́рой раз:
«Уж ты ой еси, король-де ляховиньские!
Я пришол ведь, король, к тибе посватацьсе;
А добром ты нам дашь — дак мы добром возьмём,
А добром не даёшь — мы возьмём силою!»
Заревел тут король по-звериному,
Зашипел тут король по-змеинному,
Засвистел тут король по-соловьёму:
«Не отдам я за плута, за мошенника!
Не даю я за вора, за розбойника,
Я за вашего князя за Владимира!»
Ише тут-де Дунаю за беду стало,
За велику досаду показалосе.
Говорил ёму Дунаюшко во третей раз:
«Я пришол ведь, король, к тибе посватацьсе —
Я за нашего князя за Владимира
Я на той Опраксеи-королевисьни!
А добром ты нам дашь — дак мы добром возьмём,
А добром нам не дашь — дак возьмём силою!»

А король-от скричел тут, аки зверь зревел:
«Не отдам я за вора, за розбойника!
Не даю я за плута, за мошенника,
Я за вашего князя за Владимира!»
А тут-де Дунаю за беду пришло;
Ёго ясны-ти очи сомутилисе,
Боғатырьско ёго серьцё розъерилосе,
А могучи ёго плеча росходилисе.
Затоптал он во середы кирпичние —
А посыпались тут пецьки все муравлёны.
А пошел тут Дунаюшко из светлой грыни —
Он и стукнул дверями в ободъверины.
Выходил тут Дунаюшко на новы сени —
Он пошел к Опраксеи-королевисьни.
Он на сенях-то прыбил двенаццать сторожов,
Он замки-ти ведь шыплёт, аки пуговки, —
Заходил он к Опраксеи во светлу грыню.
Тут сидит-ткёт Опраксеюшка золоты красна:
По кобылоцькам у ей сидят сизы голубы,
По набилочкам у ей — да ясны соколы,
По подножечкам у ей — черны куночки.
У ей сизы-ти голубы розлеталисе,
У ей ясны-ти соколы роспратались,
У ей черны-ти куночки роскакалисе.
Говорил тут Дунаюшко таково слово:
«Уж ты ой еси, Опраксея-королевисьня!
Ты срежайсе, Опраксеюшка, по-дорожному;
Ты получше коё платье — то с собой бери,
А похуже которо — то и здесь оставь!»
Говорит тут Опраксея таково слово:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Иванович!
У мя нет ноне крылышка-та правого,
Нету правого крылышка правільнёго:
Ише нет у мя ноньче родной сёстры,
Ише той Настасеи-королевисьни, —
А была бы она — с вами приуправилась!»
А тут ето Дунаюшку за беду прышло,
За велику досаду показалосе.
Говорил тут Дунаюшко таково слово:

«Уж ты ой еси, Опраксея-королевисьня!
А была мне своя бы вольня волюшка —
Я за эти речи прегрубья
Я сказнил бы, срубил тебе буйну голову!»
Тут и стала Опраксеюшка снарежатисе,
А поскоре-де того она — сподоблятисе,
А получше коё платье — то с собой брала.
А тут брал ей Дунаюшко за белы руки,
А повёл ей Дунаюшко и<з> светлой7 грыни.
А выходят они да на новы сени —
А по сеням текут ручьи кровавыя.
Говорит тут Опраксея таково слово:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Иванович!
Ише есь 'де-небудь в других землях,
Ише есь 'де-небудь и у других кнезей —
А из-за хлеба дают, из-за соли.
А миня-де родитель, схóжой батюшко, —
Со великого дават меня кроволитея!»
А пошли где они тут со красна крыльца.
А во ту где-ка пору и во то время
Ише тот-де Добрыня сын Микитиць млад
Он и ходит по городу по Ляхову,
Он и бьёт-де тотар да всех до одного.
А во ту где-ка пору и во то время
Услыхал тут король ведь ляховиньские,
Выходил тут король на красно крыльцо,
Говорил тут король ведь таково слово:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Иванович!
Просим милости ко мне хлеба-соли кушати,
А гусей, белых лебедей порушати!»
Говорыл тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты ой еси, король ведь ляховиньские!
На приездинах ты гостя не употчовал —
На отъездинах гостя не учоствовать!»
А да говорил тут король да ляховиньские,
Говорил ишше король тут таково слово:
«Уж вы ой еси, удаленьки добры молоцци!
Вы оставьте мне на улици хошь по курици,
Вы единого тотарина для семени!»

И садил ей, Опраксеюшку, на добра коня,
Посадил он ведь ей нонь позади себя.
А поехали они да нонь из цярьсьва вон,
А поехали, они ехали ноньче в стольней Киев-град.
Они ехали, молоцьци, где по чисту полю,
А наехали они на ископыти лошадиные.
А на тех ископытях было подписано:
«А поежжала тут полениця преудалая,
Ише та Настасея-королевисьня».

(Зап. А. Д. Григорьевым 25 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет. (Напев былины записан на фонограф от Ивана Алексеевича и Афанасия Алексеевича Чуповых).)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.